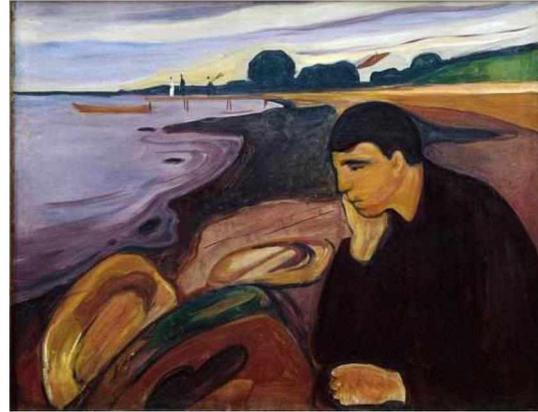

К ПРОБЛЕМЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ЛАТ. *ACEDIA* ‘УНЫНИЕ’

Уныния допускать нельзя. Большой грех – уныние...
М. А. Булгаков

Питер Брейгель Старший “Acedia” (1558)

Эдвард Мунк “Меланхолия” (1892)

В последние годы (первое десятилетие XXI века) в рамках лингвоконцептологии намечилось новое исследовательское направление (*теолингвистика*), связанное с изучением языка и концептов, в котором с различных сторон анализируются религиозные концепты как единицы религиозного сознания, константы религиозного идиолексикона, религиозная лексика, исследуются особенности религиозной картины мира.

Культуролог П. С. Гуревич, рассматривая религию как феномен культуры, также подчеркивал, что “религия – провозвестница человеческих ценностей, носительница нравственных императивов” [5, с. 244].

Согласно немецкому философу Н. Гартману, миру позитивных ценностей противостоит мир негативных ценностей, или неценностей, но это противостояние

осуществляется не по типу асимметричного соотношения или зеркального отражения: идеальному единству мира ценностей (добродетелей) соответствует идеальная разобщенность и раздробленность мира неценностей (пороков) [3, с. 342]. В национальных языках один и тот же грех мог иметь различные обозначения ввиду особенностей перевода, поэтому нередко используются латинские обозначения грехов: SUPERBIA ‘гордыня’, AVARITIA ‘сребролюбие’, GULA ‘чревоугодие’, LUXURIA ‘сладострастие’, INVIDIA ‘зависть’, IRA ‘гнев’, ACEDIA ‘уныние’. Обращение к переводным латинско-русским словарям К. А. Тананушко, О. А. Петрученко, И. Х. Дворецкого показало, что существительное *acedia* не зафиксировано ни в одном из них, однако в труде последнего автора указано прилагательное *acēdior* ‘быть мрачным, угрюмым’ [7, с. 22].

Первоначальный список из восьми худших человеческих страстей появился в трудах греческого монаха-философа Евагрия Понтийского (346–399): “Есть восемь всех главных помыслов, от которых происходят все другие помыслы. Первый помысл чревоугодия (*Γαστριμαρυία*), и после него – блуда (*Πορνεία*); третий – сребролюбия (*Φιλαρυρία*); четвертый – печали (*Λύπη*); пятый – гнева (*Ὀργή*); шестой – уныния (*Ἀκηδία*); седьмой – тщеславия (*Κενοδοξία*); восьмой – гордости (*ὑπερηφανία*)”.

Словарь древнегреческо-русского языка И. Х. Дворецкого субстантив *ἀκηδία* фиксирует в двух значениях: 1) ‘беззаботность, беспечность’, 2) ‘пренебрежение к себе, самоотверженность’ [6, с. 63], а лексему *λύπη* в трех: 1) ‘скорбь, печаль, горе’, 2) ‘печальное положение’, 3) ‘страдание, мука, боль’ [6, с. 1040], что свидетельствует о многозначности вербализаторов исследуемого порока.

Православная богословская традиция унаследовала восьмеричную классификацию страстей Евагрия Понтийского. Согласно учению святителя Игнатия Брянчанинова, смертные грехи – это *чревообъядение, любоддеяние, сребролюбие, гнев, печаль* (огорчение, тоска, отсечение надежды на Бога, сомнение в обетованиях Божиих, неблагодарение Богу за случившееся, малодушие, нетерпеливость, скорбь на ближнего, ропот, отречение от креста), *уныние* (леность ко всякому доброму делу, в особенности к молитве, оставление молитвы и душеполезного чтения, невнимание и поспешность в молитве, небрежение, неблагоговение, праздность, многоспание, празднословие, кощунство, забвение заповедей Христовых, нерадение, лишение страха Божия, ожесточение, нечувствие, отчаяние), *тщеславие, гордость*, т.е. сохраняется двойственное понимание порока, выражаемое в латинском одной лексемой *acedia*.

Согласно заключению К. Изарда, “как и другие <...> эмоции, печаль универсальна. Ее переживание свойственно любому человеку, вне зависимости от его этнической принадлежности, религии, места и времени проживания” [8, с. 199], однако следует заметить, что *печаль* и *уныние* принадлежат к важнейшим русским культурным стереотипам, что подтверждает глубоко разработанная синонимика, выражающая широкий ряд смысловых оттенков этого чувства: *огорчение, тоска, горе, скорбь, хандра, меланхолия, отчаяние* и под. Словарь синонимов русского языка под редакцией А. П. Евгеньевой представляет следующую синонимическую цепочку с доминантой *грусть*: *печаль, уныние, кручина* [16, с. 258]. В “Словаре русских синонимов и сходных по смыслу выражений” под редакцией Н. Абрамова *грусть* не выделяется, поэтому мы можем сделать вывод, что *грусть* и *печаль* не дифференцируются: *печаль, горе, горесть, грусть, кручина, отчаянье, скорбь, прискорбие, скука, томление, тоска, траур,*

уныние, сокрушение, ипохондрия, меланхолия, соблезнование, сожаление, боль, горечь [1, с. 287–288]. Другое представление об интересующих нас эмоциональных концептах дает “Русский синонимический словарь” К. С. Горбачевича: *печаль, грусть, скорбь, горесть, уныние, кручина, кручинушка, сухота* [4, с. 277].

По данным Национального корпуса русского языка, наибольшим количеством документов и числом вхождений в них характеризуется лексема *печаль* (3859/9233), далее идут *тоска* (2997/7066), *лень* (1774/3068), *уныние* (1196/1854), *меланхолия* (762/1516), *апатия* (365/428), *безделье* (344/424) [12], что подтверждает мысль О. В. Покровской о том, что не только количественные, но и “качественные характеристики и частотность употребления членов синонимического ряда интерпретируются как показатель актуального интереса носителей языка к определенному понятию и соответствующим реалиям действительности” [14, с. 6]; т.е. в русском языковом сознании наиболее актуальны субстантивы *печаль, тоска, лень, уныние*.

Обращение к словарю С. И. Ожегова, к сожалению, не дает нам возможности в полной мере понять, что такое *уныние*, или отделить его от похожих терминов: *уныние* ‘безнадежная печаль; гнетущая скука’; *печаль* ‘чувство грусти, скорби, состояние душевной горечи’; *грусть* ‘чувство печали, уныния’; *тоска* ‘душевная тревога, уныние’; *меланхолия* ‘болезненно-угнетенное состояние, тоска, хандра’ [15].

Психолог Е. П. Ильин отмечает, что определение С. И. Ожегова не очень точно в психологическом смысле: “Если рассматривать уныние как эмоциональное состояние человека, то в нем в какой-то степени может присутствовать и скука как потеря интереса к происходящему, но главной составляющей данной эмоции представляется оценка безысходности ситуации, связанной с удовлетворением потребности, влечения, с достижением задуманного и желаемого. <...> уныние связано с неблагоприятным прогнозом на исход еще не закончившегося процесса, когда все же остаются какие-то шансы на успех, достижение цели. Когда же человеком завладевает ощущение безнадежности или итог становится окончательно ясным, возникают другие эмоции – разочарование, отчаяние, печаль, горе” [9, с. 166.]

Обобщение различных определений термина *уныние* позволяет охарактеризовать это состояние как длительное пониженное или негативное настроение, недовольство, обида, разочарованность, сопровождающиеся общим упадком сил и снижением жизненного тонуса. В тяжелых случаях уныние может привести к депрессии – угнетенному состоянию, которому сопутствует постоянное чувство тоски, тревоги, апатии, безучастное отношение к действительности, тягостное чувство вины и невозможности получения удовольствия от жизни, стремление к одиночеству и покою, субъективное чувство интеллектуальной тупости и безволия. Современной медициной XXI век официально признан “веком депрессии”. По данным эпидемиологических исследований, ежегодно около 150 млн жителей нашей планеты обнаруживают признаки этой болезни. По прогнозам ВОЗ, в 2020 году депрессия должна была выйти на первое место в мире среди всех заболеваний [10].

Несмотря на то, что развитие депрессии обусловлено тонкими биохимическими нарушениями в центральной нервной системе, в первую очередь, нарушением нормального метаболизма нейротрансмиттеров (веществ, регулирующих психическую деятельность), а также понижением в организме уровня серотонина, по мнению психолога Б. Ничипорова, депрессия – это не клиническое

состояние, а нравственно-психологическое [13, с. 47]. У современных людей она появляется как реакция на хронический стресс. В медицине существует такое понятие, как депрессивная личность, когда людям присуща генетическая предрасположенность к страсти уныния, к депрессивным состояниям. Испанский биолог Д. Медина в книге “Ген и семь смертных грехов” также утверждает, что именно гены несут ответственность за праздность, уныние и нежелание работать и в определенных дозах лень даже полезна, так как позволяет обдумывать важные решения, сохранять силы для будущих свершений [11, с. 32–33].

В середине XX века уныние, связанное с умственным переутомлением, конкретизировалось как акедия. В 1940-е годы шведский нейрофизик Р. Гранит описывал, как опасен “смертельный холод акедии” для научного работника. Педагог В. Шёстранд указывал, что причина акедии – перерасход ментальной энергии и завышенные требования, которые предъявляет человеку научная среда: “...находясь в академических кругах среди людей с высоким уровнем интеллекта, человек очень быстро осознает и вынужден признать – перед лицом своей совести и перед лицом окружающих – неполноту собственных знаний. Отсюда рукой подать до невротических синдромов разного рода”. В статье “Научная акедия” (1967) Х. Зеттерберг описывает другие причины чувства пустоты и неуверенности в себе, которое поджидает многих ученых: “Акедию вызывает излишняя специализация, сконцентрированность на своем предмете исследования” [2].

Таким образом, исследуемое нами явление относится преимущественно к психоэмоциональной сфере; наиболее частотными вербальными операторами лат. *acedia* в религиозном и секулярном фрагментах русской языковой картины мира выступают как лексемы *печаль, тоска, лень, уныние, меланхолия, тоска, апатия* и др., так и сама калька с греческого языка – *акедия*.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абрамов, Н.* Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений / Н. Абрамов. – 7-е изд., стереотип. – М. : Рус. словари, 1999. – 431 с.
2. Акедия: синдром потери смысла [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://newtonew.com/culture/akediya-sindrom-poteri-smysla>. – Дата доступа: 23.10.2020.
3. *Гартман, Н.* Этика / Н. Гартман; пер. А. Б. Глаголева. – М. : Владимир Даль, 2002. – 708 с.
4. *Горбачевич, К. С.* Русский синонимический словарь / К. С. Горбачевич. – СПб. : ИЛИ РАН, 1996. – 510 с.
5. *Гуревич, П. С.* Культурология: учебник для вузов / П. С. Гуревич. – 5-е изд. – М. : Проект, 2003. – 336 с.
6. *Дворецкий, И. Х.* Древнегреческо-русский словарь : ок. 70 000 слов : в 2 т. / И. Х. Дворецкий ; под ред. чл.-кор. Акад. наук СССР проф. С. И. Соболевского ; с прил. грамматики, сост. С. И. Соболевским. – М. : ГИС, 1958. – Т. 1. – 1043 с.
7. *Дворецкий, И. Х.* Латинско-русский словарь : 50 000 тыс. слов / И. Х. Дворецкий. – М. : Рус. яз., 1976. – 1096 с.
8. *Изард, К.* Эмоции человека / К. Изард. – М. : Изд-во МГУ, 1980. – 439 с.
9. *Ильин, Е. П.* Психофизиология состояний человека / Е. П. Ильин. – СПб. : Питер, 2005. – 412 с.
10. Интересная статистика ВОЗ по депрессии на 2020 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.b17.ru/blog/voz_2020. – Дата доступа: 23.10.2020.
11. *Исаева, Е. Л.* Семь смертных грехов. Наказание и покаяние / Е. Л. Исаева. – М. : РИПОЛ классик, 2009. – 320 с.
12. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ruscorpora.ru/new/search-main.html>. – Дата доступа: 23.10.2020.
13. *Ничипоров, Б. В.* Введение в христианскую психологию: размышления священника-психолога / Б. В. Ничипоров. – М. : Школа-Пресс, 1994. – 192 с.
14. *Покровская, О. В.* Языковой образ человека в синонимических репрезентациях: опыт разработки частной теории: на материале русского и английского языков: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / О. В. Покровская; Кемеров. гос. ун-т. – Кемерово, 2008. – 23 с.
15. Словарь русского языка : 70 000 слов / С. И. Ожегов ; под ред. Н. Ю. Шведовой ; Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз. – 22-е изд., стереотип. – М. : Рус. яз., 1990. – 921 с.
16. Словарь синонимов русского языка: в 2 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. – М. : АСТ; Астрель, 2003. – Т. 1: АН / ИЛИ РАН. – 680 с.